

С.В. Пишун*

ЛИЧНОСТЬ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА КАК ОСНОВА ЕГО ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ: ОТ ЭСТЕТИЗМА К ЦЕРКОВНО-МОНАШЕСКОМУ ИДЕАЛУ И АПОЛОГИИ СТАРЧЕСТВА

В статье утверждается, что специфика философских построений К.Н. Леонтьева связана с особенностями его творческой личности. Эстетизм Леонтьева как важнейшая черта его натуры имеет ярко выраженный антиэгалитаристский и антилиберальный характер. Вместе с тем, этот свой «эллинистический» эстетизм К.Н. Леонтьев сознательно подчиняет религиозной вере или «церковным началам». Он указывает на необходимость усиления роли монашества в общественной и церковной жизни, а также признает старчество источником святости и верности православию.

Ключевые слова: К.Н. Леонтьев, эстетизм, апология красоты, «внешний аморализм», византизм, православие, монашество

Konstantin Leontiev's personality as a basis for his creative heritage: from aestheticism to the monastic ideal. SERGEY V. PISHUN (Far Eastern Federal University)

The article reveals the connection of the features of Konstantin Leontiev's philosophical reflections with the traits of his creative personality. Leontiev's aestheticism, as the most important among those traits, has a pronounced anti-egalitarian and anti-liberal nature. At the same time, the philosopher deliberately subordinates his «Hellenistic» aestheticism to religious faith or «church principles». He points out the need to strengthen the role of monasticism in public and church life, and recognizes the eldership as a source of holiness and fidelity to Orthodoxy.

Keywords: K.N. Leontiev, aestheticism, apology of beauty, «external immoralism», Byzantism, Orthodoxy, monasticism

Систему взглядов К.Н. Леонтьева нельзя назвать итогом последовательных логических выводов, связанных с формулированием и экспликацией определенных философских принципов. Трудно назвать его мыслителем со строгим системным мышлением – часто он был по-настоящему парадоксален. Прежде всего

Леонтьев был художником-эстетом, стремившимся актуализировать все это в общественной и политической плоскости. Все его теоретические воззрения суть выражение испытываемых им чувств и привязанностей к феноменам, привлекавшим его с эстетической стороны. Одновременно его привлекал аскетизм, суровость

* ПИШУН Сергей Викторович, доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: pishun.sv@dvfu.ru

© Пишун С.В., 2022

жизни монашества, что вылилось, в конечном итоге, в теоретическом плане – в формулировку им принципа «византизма», а в житейском – в желание подчинить свои эстетически-страстные наклонности вере, что привело к уходу самого Леонтьева в Оптину пустынь и тайному постригу. Дворянская Россия породила особую культуру, отличающуюся «прелестью» и утонченностью. Леонтьев в своем творчестве отражал сам дух этой культуры, остро и зачастую враждебно реагировал на приход разночинцев с их подчас грубым утилитаризмом, расходясь с православием и одновременно смиряясь перед духом христианства.

Именно эстетизм являлся важнейшей чертой натуры Леонтьева: он просто преклонялся перед всем изящным, красивым, обладавшим жизненной силой. Мыслитель обнаруживает в себе чуткого наблюдателя, он часто был весьма внимателен к мелким событиям и фактам, которые могли укреплять или нарушать всеобщую гармонию. Эти эстетизм и внимательность Леонтьев приобрел еще в детстве, находясь в православном храме во время богослужения. Все это уже в молодости он переносил и на яркие политические события. Так, революции и республики нравились Леонтьеву не из-за их лозунгов, программ, вроде обещания экономического и социального равенства и благополучия, а в силу свойственного им драматизма, или, как он сам отмечал, «живописности» [13, с. 46]. Не случайно он испытывал симпатию к литературному наследию и личности И.С. Тургенева, который, как указывал Леонтьев, оказался «героичнее своих героев» [13, с. 78]. Собственно, К.Н. Леонтьев отвечал на те вопросы, которые поставил И.С. Тургенев, и, будучи эстетом по натуре, не мог переносить культурных «упрощений» и самого образа жизни разночинцев-героев тургеневских романов, вроде Базарова. Еще один, возможно, неожиданный предшественник Леонтьева – А.И. Герцен, для которого также характерен эстетизм и широта натуры, преклонение перед всем изящным и величественным и отвращение ко всему пошлому и посредственному. Оба писателя и философа, при всем своем кардинальном расхождении по вопросам общественного развития, были столь солидарны в своем неприятии посредственного, что доходили иногда до словесных совпадений. Сам Леонтьев так характеризовал свое идейное родство с Герценом: «Герцен издевался прямо над общим и подавляющим типом челове-

ского развития. И последуя за ним по сходству “природы”, я придумал позднее и выражение “средний человек”, “средний европеец” и т.д.» [10, с. 336]. Нападки и насмешки А.И. Герцена над европейской буржуазией и мещанством К.Н. Леонтьев находит справедливыми и полезными и в этом полагает его главную заслугу перед русским обществом и русской литературой [14, с. 264].

Ядром мирозерцания Леонтьева является как раз чувство прекрасного. Красота для него была высшим проявлением жизни, она есть «основа идеи жизни, для которой мир явлений служит только смутным символом» [12, с. 6]. Красота в его понимании сама по себе является истиной, придающей смысл предмету, определяющей его значение. Он выработал парадоксальное утверждение – чем совершеннее какое-либо из проявлений мировой жизни, тем сложнее его истина и непонятнее красота, но зато тем сильнее и могущественнее она действует на культурно развитого человека [12, с. 24–25]. Основной и универсальный закон красоты Леонтьев в одном из своих писем к своему другу, священнику И. Фуделю обозначает как «разнообразие в единстве» [14, с. 275]. Нарушение этого закона тождественно дезорганизации в природе и знаменует в конечном счете внутренний кризис и гибель предмета. Но, при всем драматизме внешних изменений и превращений, в понимании Леонтьева мир беспрерывно продолжает свое бытие. Убыль в одном месте компенсируется приростом в другом. Жизнь сочетается со смертью, разрушение – с возрождением, и в этом круговороте заключается вся суть бытия. При этом в происходящей смене идея красоты остается неизменной, она лишь приобретает различные виды и формы. Действие текущих проявлений красоты дополняется и увеличивается воспоминанием о прошлых исчезнувших ее формах. В этом смысле красота не просто вечна, а растет, когда, как пишет Леонтьев, она по мере отдаления во времени прибавляет к своей самобытной структуре еще мысль о погибших прошлых ее формах «горячей и полной жизни» [12, с. 14]. Поэтому, полагает мыслитель, следует дорожить красотой, беречь ее, поддерживать и насаждать вокруг себя. Неслучайно поэтому Леонтьев устами одного из своих литературных героев провозглашал, что «целью нашей жизни является богатство идей» [8, с. 396], «прекрасное – вот цель жизни» [8, с. 414], «поэзия есть

высший долг» [8, с. 298]. Прекрасное при этом остается самодостаточной целью, которая стоит выше всего остального: «Прекрасное – само по себе цель» [8, с. 304]. Леонтьев в этой апологии красоты доходит до «внешнего аморализма», восклицая: «Все хорошо, что прекрасно и сильно; будь это святость, будь это разврат, будь это охранение, будь это революция, – все равно!» [4, с. 265].

Таким образом, красота в понимании Леонтьева есть единственно ценное в жизни. Ее всеобщим и необходимым критерием он называет чувство изящного и прекрасного: «Прекрасное – верная мерка на все» [8, с. 304]. Или, как он еще пишет: «Критерий всему должен быть не нравственный, а эстетический» [13, с. 120]. Леонтьев по существу отрицает моральные ценности как таковые, утверждая, что добро и зло суть лишь проявления прекрасного: «Нравственность есть только уголок прекрасного» [8, с. 282]. Можно привести еще ряд его мыслей, подтверждающих нарочито декларируемый своеобразный «внеморальный эстетизм»: «Нет ничего безусловно нравственного, а все нравственно или безнравственно только в эстетическом смысле... Что к кому идет» [13, с. 119–120], «добрая нравственность и самоотвержение ценны только как одно из проявлений прекрасного, как свободное творчество добра» [8, с. 414]. Леонтьев признавался, что ему «дороги в жизни не только трезвые, не только хорошие и добропорядочные люди, сколько люди выразительные» [12, с. 84]. Часто факты безнравственные приводили его в восторг и восхищение своей внешней красивой формой. И потому неудивительно его признание, что «сам Нерон мне дороже и ближе Акакия Акакиевича или какого-нибудь другого простого и доброго человека» [13, с. 190]. Более того, Леонтьев ставил прекрасные и величественные явления мертвой природы выше обыкновенного, посредственного человека. Через своего литературного персонажа Милькеева он говорит, что «одно столетнее величественное дерево дороже двух десятков безличных людей» [8, с. 306]. Такими редкими экземплярами растительного мира он не пожертвовал бы для того, чтобы приобрести лекарства и тем самым спасти от смерти больного мужика. Здесь надо отметить откровенность мыслей Леонтьева, его правдивость перед самим собой. Он не лицемерит, пишет с предельной прямоотой. Так, он заявляет, что, хотя Юлий Цезарь и Скобе-

лев были развратнее и безнравственнее Акакия Акакиевича и многих честных и скромных тружеников, однако, как он считает, «в Цезаре и Скобелеве в тысячу раз больше поэзии, чем в этих честных, но безличных людях» [8, с. 271]. Леонтьев здесь не боится вступить в конфликт не только с моралью, но и с религией и политикой. Например, с позиций эстетизма разнообразие жизни является благотворным фактом и должно всячески поддерживаться, вместе с тем христианство и либеральный прогресс подавляют и уничтожают это многообразие. Тем не менее, Леонтьев резко разводит христианство и либерализм, считая, что надо подчиниться первому как носителю высших смыслов и отвергнуть второе: «...Находя эстетическое разнообразие жизни благим, мы, из трансцендентного эгоизма, из страха загробных мучений, в целях спасения души, должны содействовать христианству в его уравнилительной тенденции. Напротив, современный эгалитарный прогресс, с его нивелирующим характером, должен встретить в нас самый жестокий отпор» [6, с. 419]. Здесь можно привести еще одну цитату Леонтьева: «Когда страстную эстетику побеждает духовное (мистическое) чувство, я – благоговею, я склоняюсь, чту и люблю; когда эту таинственную, необходимую для полноты жизненного развития поэзию побеждает утилитарная этика, – я негодную и от того общества, где последнее случается слишком часто, уже не жду ничего» [14, с. 272]. Внутренняя, «эллинистическая» сторона личности Леонтьева смирялась перед религиозной верой, он веровал даже «вопреки целой буре внутренних протестов» [2, с. 537].

Одновременно с эстетизмом Леонтьев рьяно защищает **церковные начала** в общественной жизни. Он не приемлет государственное влияние в церкви. Нормальный церковный порядок, как отмечает мыслитель, не в «папоцезаризме», а в будущем и ожидаемом им «соборно-патриаршем устройстве»: «Это будущее устройство и с духом нашей церкви сообразнее, и в нем могло быть и нечто всеобще-реальное, органическое» [11, с. 310]. Церковь, как отмечает Леонтьев, должна быть внутренне централизованной и одновременно должна быть независимой и свободной по отношению к государству. Такая независимость будет полезной как для церкви, так и для самого государства в силу того, что она укрепит находящееся в настоящее время в перманентном кризисе православие,

и тогда церковь «в совокупности своей станет несокрушима» [11, с. 556]. Сильная и целеустремленная, церковь в лице клира может оказать существенную помощь государственным и политическим институтам в процессе их формирования или реформирования, даже может спасти государство в момент его серьезного кризиса, в том числе «от каких-нибудь анафемских новых либеральностей» [5, с. 444], тем самым якобы оградив его от дальнейшего разложения.

Но, как указывал Леонтьев, церковь тоже может быть «размягчена» изнутри. Поэтому для ее крепости, полагал философ, необходимо усилить власть и влияние **монашествующего духовенства**. Христианство далеко от учреждения земных удобств и земного благоденствия. В основе оно есть «безустанное понуждение о Христе» и «религия самобичевания» [1, с. 28]. При этом монаха вовсе не следует считать каким-то исключительным, необыкновенным человеком. Изначально монашество не было христианской заповедью и поэтому непринятие его и уклонение от монашества не считается грехом и не наказывается церковью. Настоящее монашество есть, как отмечал К.Н. Леонтьев, «добровольное хроническое мученичество во славу Божию» [10, с. 335], и «нудящие себя только восхищают Царство Небесное» [1, с. 29]. Инока всегда будет ожидать внутренняя борьба, не исключены ошибки и падения, разочарования и угрызения совести (см.: [3, с. 28]). В самом аскетизме, писал философ, «все приятное и утешительное не от нас, а от Бога; от нас все принудительное, самоограничивающее» [10, с. 335]. В его понимании «монашество есть цвет христианства» [1, с. 30], его «высокий идеал» [11, с. 404], «крайнее выражение православного отречения» [3, с. 36]. По мнению К.Н. Леонтьева, без института монашества церковь жить не может (см.: [1, с. 30]).

Таким образом, Леонтьев признает монашество существенным, необходимым и ключевым элементом в сложной системе церковных учреждений. Философ настолько высоко ценит монашество, что считает религиозное воспитание человека незаконченным, если он не знает и не изучал иночества, «не искал общения с истинно духовными подвижниками» [11, с. 390]. В монастырях любой человек прежде всего усвоил бы правильный взгляд на земную жизнь и на ее отношение к загробной, небесной жизни. Как замечает философ, монахи в

большинстве своем пессимисты относительно земной жизни [11, с. 109], они учат и советуют «прежде всего себе внимать, о своем загробном спасении заботиться, а все остальное приложится» [11, с. 383]. Такое мировоззрение Леонтьев считает прямой противоположностью современной вере либералов в эгалитарный прогресс и их надеждам на земное счастье, поэтому, полагает он, монашество имеет особые заслуги перед государством: «Монастыри есть неподвижные звезды церкви, от которых далеко льется свет на весь православный мир» [3, с. 31]. К.Н. Леонтьев проводит интересную аналогию: монастыри для церкви и религии в целом есть то же, что университеты, лицеи, клиники для науки [9, с. 300]. Но насколько более значимыми являются сами по себе религиозные истины, чем истины научные, настолько же монастыри важнее университетов и школ вообще. Леонтьев прямо заявляет: «В наше время основание сносного монастыря полезнее двух университетов и целой сотни реальных училищ» [11, с. 384]. Поэтому государство должно в целях собственного сохранения и укрепления поддерживать не просто церковь, а именно монашество, проявлять заботу о монастырях. Причем монашество нужно и для укрепления христианской семьи. К.Н. Леонтьев указывает, что, собственно, брак основывается как раз на самоотречении и взаимном ограничении супругов и в этом смысле семья есть лишь «смягченное монашество; иночество вдвоем, или с детьми учениками» [3, с. 35]. В данном контексте, «без монастырей, без этих скопищ, так сказать, крайнего отречения пали бы последние основы для поддержки того среднего отречения, которое необходимо для хорошей семьи» [3, с. 36]. В трактовке К.Н. Леонтьева, без религиозной мистики семья превратилась бы в прозаическую и скучную сделку, что было для философа неприемлемым в силу его романтической натуры.

Особого внимания Леонтьева заслуживало **старчество** как своеобразная квинтэссенция монашества. Он отмечал, что «цвет христианства – монашество, цвет монашества – старчество», суть которого состоит в «искреннем духовном отношении духовных детей к своему духовному отцу или старцу» [1, с. 37]. Практика старчества не есть исповедь, а есть «простая и полнейшая откровенность послушника с духовным руководителем своим, старцем» [10, с. 336]. Поэтому старцами могут быть

часто лица, даже не облеченные священным саном и тем более не имеющие полномочий настоятеля монастыря. Леонтьев высказывал свое восхищение тем, что пришедший к концу XVIII в. в упадок институт старчества был восстановлен в России выдающимся православным мистиком Паисием Величковским, а затем через его ученика Феодора этот вид монашеской жизни был передан иеросхимонаху о. Леониду, с именем которого связано начало истории старчества Оптиной пустыни. Преемниками о. Леонида были о. Макарий, о. Илларион и умерший в 1891 г. о. Амвросий (см.: [1, с. 38–42]). Леонтьев, как ранее И.В. Киреевский, считал для себя экзистенциально важным приобщиться к этому источнику святости и верности заповедям православия, чем и объясняется его желание жить недалеко от Оптиной пустыни и последующее его тайное пострижение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леонтьев К.Н. Отец Климент Зедергольм // Русский вестник. 1879. № 11.
2. Леонтьев К.Н. Отец Климент Зедергольм // Русский вестник. 1879. № 12.
3. Леонтьев К.Н. Отшельничество, монастырь и мир. Их сущность и взаимная связь. (Четыре письма с Афона) // Начала. 1992. № 2. С. 19–41.
4. Леонтьев К.Н. Письма к А. Александрову // Русский вестник. 1894. № 4.
5. Леонтьев К.Н. Письма к К.А. Губастову // Русское обозрение. 1896. № 11.
6. Леонтьев К.Н. Письма к В.В. Розанову // Русский вестник. 1903. № 6.
7. Леонтьев К.Н. Письмо о старчестве // Русское обозрение. 1894. № 10.
8. Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. Т. 1: Романы и повести. М.: Издание В.М. Саблина, 1912.
9. Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. Т. 5: Восток, Россия и славянство. М.: Издание В.М. Саблина, 1912.
10. Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. Т. 6: Восток, Россия и славянство. М.: Издание В.М. Саблина, 1912.
11. Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. Т. 7: Восток, Россия и славянство. М.: Издание В.М. Саблина, 1912.
12. Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. Т. 8: Критические статьи. М.: Издание В.М. Саблина, 1912.
13. Леонтьев К.Н. Собрание сочинений. Т. 9: Воспоминания (1831–1868). М.: Издание В.М. Саблина, 1912.
14. Фудель И. Культурный идеал К. Леонтьева // Русское обозрение. 1895. № 1.

REFERENCES

1. Leontiev, K.N., 1879. Otets Kliment Zedergol'm [Fr. Clement Sederholm], Russkii vestnik, no. 11. (in Russ.)
2. Leontiev, K.N., 1879. Otets Kliment Zedergol'm [Fr. Clement Sederholm], Russkii vestnik, no. 12. (in Russ.)
3. Leontiev, K.N., 1992. Otshel'nichestvo, monastyr' i mir. Ikh sushchnost' i vzaimnaya svyaz]. (Chetyre pis'ma s Afona) [Reclusion, monastery and world. Their essence and mutual connection (Four letters from Mount Athos)], Nachala, no. 2, pp. 19–41. (in Russ.)
4. Leontiev, K.N., 1894. Pis'ma k A. Aleksandrovu [Letters to A. Alexandrov], Russkii vestnik, no. 4. (in Russ.)
5. Leontiev, K.N., 1896. Pis'ma k K.A. Gubastovu [Letters to K.A. Gubastov], Russkoe obozrenie, no. 11. (in Russ.)
6. Leontiev, K.N., 1903. Pis'ma k V.V. Rozanovu [Letters to V.V. Rozanov], Russkii vestnik, no. 6. (in Russ.)
7. Leontiev, K.N., 1894. Pis'mo o starchestve [A letter about eldership], Russkoe obozrenie, no. 10. (in Russ.)
8. Leontiev, K.N., 1912. Sbranie sochinenii. T. 1: Romany i povesti [Collected works. Vol. 1: Novels and stories]. Moskva: Izdanie V.M. Sablina. (in Russ.)
9. Leontiev, K.N., 1912. Sbranie sochinenii. T. 5: Vostok, Rossiya i slavyanstvo [Collected works. Vol. 5: The East, Russia and Slavdom]. Moskva: Izdanie V.M. Sablina. (in Russ.)
10. Leontiev, K.N., 1912. Sbranie sochinenii. T. 6: Vostok, Rossiya i slavyanstvo [Collected works. Vol. 6: The East, Russia and Slavdom]. Moskva: Izdanie V.M. Sablina. (in Russ.)
11. Leontiev, K.N., 1912. Sbranie sochinenii. T. 7: Vostok, Rossiya i slavyanstvo [Collected works. Vol. 7: The East, Russia and Slavdom]. Moskva: Izdanie V.M. Sablina. (in Russ.)
12. Leontiev, K.N., 1912. Sbranie sochinenii. T. 8: Kriticheskie stat'i [Collected works. Vol. 8: Critical articles]. Moskva: Izdanie V.M. Sablina. (in Russ.)
13. Leontiev, K.N., 1912. Sbranie sochinenii. T. 9: Vospominaniya (1831–1868) [Collected

works. Vol. 9: Memoirs (1831–1868)]. Moskva: Izdanie V.M. Sablina. (in Russ.)

14. Fudel', I., 1895. Kul'turnyi ideal K. Leontieva [The cultural ideal of Konstantin Leontiev], Russkoe obozrenie, no. 1. (in Russ.)

Fudel', I., 1895. Kul'turnyi ideal K. Leontieva [The cultural ideal of Konstantin Leontiev], Russkoe obozrenie, no. 1. (in Russ.)

